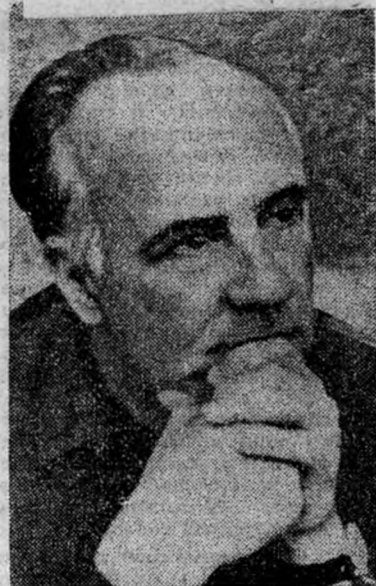

Встреча на седьмом этаже

На этот раз «гость» пригласил нас к себе домой. Без труда находим указанный дом, подъезд. Правда, неизвестно, на каком этаже находится нужная квартира, но догадаться не составило труда.

Поколению, в чью жизнь вошла песня «На седьмом этаже», имя народного артиста РСФСР П. К. Аедоницкого известно по многим. Вообще же очень лиричная, акварельная музыкальная палитра композитора близка и понятна людям самых разных возрастов. Впрочем, поводом для встречи, которая состоялась в воспетой в буквальном смысле квартире на седьмом этаже, послужило другое обстоятельство.

— Почему вы пошли в медицину?

— Врачом был мой отец. Среди друзей нашей семьи в Донбассе, где мы тогда жили, естественно, было много врачей. Наверное, потому после школы я поступил на санитарно-гигиенический факультет Горьковского медицинского института.

— А как вы стали композитором?

— Музыка, можно сказать, была членом нашей семьи. Хорошо пела мама, прекрасно музицировали мои брат и сестра, и я с детских лет получил основательное музыкальное воспитание. Кстати, отец мой в юности был певцом хора Мариинского театра. Позже, посчитав медицину занятием более серьезным, стал врачом. Красивым голосом был одарен мой дед. С некоторой натяжкой его можно назвать профессиональным певцом — он был протодьяконом в Нижнем Новгороде.

— Вот откуда ваша необычная фамилия.

— Совершенно верно. «Аедонис» — по-гречески «соловей». В те времена людям духовного звания давали фамилии на греческий и латинский манер.

— Результат взаимодействия двух начал — музыкального и медицинского — в вашем роду известен. Но какое-то время они уживались вместе!

— Медицинское образование я получал во время войны. Курс был сокращен до трех с половиной лет, после чего нас выпустили, как выразились бы в старое время, зауряд-врачами. Однако у нас был сильный профессорско-преподавательский состав.

Помню, Дмитрий Аркадьевич Жданов читал курс лекций, преподавал и Николай Николаевич Блохин.

В институт я пришел после музыкального училища и занятия музыкой не оставлял. Уже в студенческие годы пробовал себя в композиции. Должен сказать, что многие наши профессора были большими ценителями музыки. А жена профессора-фармаколога Смирнова, солистка оперного театра, даже спела в Горьковской филармонии мой первый цикл романсов.

Однажды я был представлен Араму Ильичу Хачатуряну. Он одобрительно отозвался о моих сочинениях и впоследствии помог мне совершенствоваться в музыке. Видимо, тогда и обозначился переход от медицины к музыке. Но шла война. После учебы я попал на плавучий госпиталь, который ходил за ранеными в Сталинград. Пришлось пережить многое из того, что выпало на долю фронтовых медиков. Только после войны я смог серьезно заняться музыкой, полностью ей отдаться.

— Но и в музыке надо было делать выбор. Чем объяснить ваш особый интерес к песне?

— Меня всегда влекла музыка, связанная со словом, особенно песня. Песня — это своеобразная музыкальная журналистика. В ней, как ни в одном другом жанре, отражается эмоциональный дух времени. Наверное, и вы, и я, когда слышим песню своей молодости, не просто вспоминаем ушедшие годы, а будто переносимся в то время. Удивительно свойство маленького сочинения, которое звучит-то всего минуты три, — навеять позабытое волнение.

— Верность этих слов хорошо доказала одна из ваших последних песен — «Довоенный вальс». Как властно она переносит слушателя на полвека назад!

— Эту песню я считаю большой творческой удачей. Она о моем поколении и, может быть, потому родилась легко и быстро, на одном дыхании. Находясь на конкурсе в Сочи, утром я показал ее Иосифу Кобзону, а вечером он уже спел ее на концерте. Стихи предложил поэт Феликс Лаубе. Мне они сразу понравились точностью, пронзительностью образов, но неоправданно обрывались строки на пороге войны. Война столько изменила в судьбах людей и страны. Лаубе дописал последний куплет: «Годы прошли, и опять за окном тихий вечер, смотрят с портретов друзья молчаливо. В памяти нашей сегодня и вечно все они живы, все...» Так песня получила завершение.

— Композитора-песенника обязательно спрашивают, что первично — слова или мелодия. Не станем нарушать традицию.

— Каждый раз случается по-разному. Бывает, я вначале сочиняю музыку, потом долго мучаю поэта, пока он не почувствует характер мелодии и не напишет слова, которые слились бы с ней. Идеальный вариант — это когда действительно поэтические стихи вызывают у композитора желание окрылить их музыкой. Так, например, случилось с моей песней на стихи Гамзатова «Берегите друзей». Но важно не то, что первично, что вторично, а органичное соединение, когда слова не выкинешь из песни.

— Ваши песни в большинстве лиричны. Об этом говорят даже названия — «Красно солнышко», «Раздумье». А как вы относитесь к модным ныне вокально-инструментальным ансамблям?

— Вопрос непростой. Возник жанр вокально-инструментальной музыки, который быстро привлек внимание молодежи своей новизной, демократичностью, и это надо только при-

ветствовать. Беда в другом. Его кажущаяся легкость позволяет иным, разучив четыре аккорда, выходить на сцену. Далее, развитие электронных привело к тому, что сам процесс творчества свелся к овладению техническими приемами аранжировки, ритма. Появились совершенные синтезаторы, на которых можно подобрать тембр любого инструмента. Технические возможности расплодили огромное количество ансамблей, в котором растворилось качество. Мне не нравится, когда четыре средних музыканта играют на предельной громкости, чтобы затуманить огрехи. В этом жанре легче скрыть неумение за грохотом. С классикой это не пройдет. Музыка же некоторых современных ансамблей не дает отдохнуть душе, не наводит на размышления, она даже вредна для здоровья — непомерная громкость, назойливый ритм просто негигиеничны.

— Это уже мнение санитарного врача!

— Можно считать и так. Кстати, я думаю, что музыкальное творчество и искусство врачевания очень родственны. И то, и другое обращено к человеку ради одной цели — сделать его лучше. Вот почему годы, отданные медицине, я никогда не считал потерянными.

— Павел Кузьмич, как не просто беседовать сразу о медицине и о музыке. С чем бы сами вы хотели обратиться к нашим читателям?

— Ритм нашей жизни, к сожалению, очень стремительный, у медиков особенно. Но врачу противопоказана торопливость. Ему недостаточно общения с пациентом лишь с анатомических позиций. Известно, что болезни протекают по-разному у каждого, и важно тщательно разобраться в самом человеке.

Но меня иногда удручает, если, попадая в поликлинику, пытаюсь рассказать врачу подробнее о своем состоянии (я-то знаю, как важен анамнез) и вдруг вижу, что ему некогда меня внимательно выслушать. Я бы хотел, чтобы все врачи видели в каждом человеке личность, а не только конкретную болезнь.

— В ответ позвольте и нам высказать некоторые претензии. Есть песни о медиках, но нет еще такой, которая стала бы для них профессиональным гимном. Вот какие хорошие песни есть у монтажников-высотников, геологов. Не считаете ли вы себя лично в долгу перед медиками?

— Этот упрек я предамил. Считаю. Я даже пытался несколько раз, но у меня не получалась песня того уровня, который я сам наметил, которого заслуживают врачи. Эта требовательность возрастает с годами все больше и больше. И все-таки хочется создать такую песню, я об этом думаю часто.

— Ловим на слове. Читатели «Медицинской газеты» желают вам больших творческих успехов... И не без собственной выгоды. Павел Кузьмич.

Беседовал Ю. БЛИВ.